

‘Могильная гора’ (или ‘Кладбищенская гора’). Таких *Могильных гор* в русской топонимике множество. Финское *a* здесь отражается через русское *o*, как и во многих других древних заимствованиях из финских языков: ср., например, финские названия городов *Karjala, Lappi, Votja* и соответствующие русские *Карѣла, Лопь, Водь*. Не исключено и то, что одни *Колмогоры* происходят от финского *kolme*, а другие — от *kalma*. Установить истину крайне трудно.

Что касается второй части названия, то она, конечно, связана со

всей массой севернорусских названий, оканчивающихся на *-горы* (Матигоры, Карпогоры, Пильегоры и др.): по-видимому, это перевод финского *vaaga*, карельского *voara* ‘гора, горка’. Связь с финским *kaigi* ‘подводный камень, риф’ сомнительна, так как никаких особых рифов в этих местах нет. Горами же называют любой более или менее возвышенный берег. Не имеет сюда никакого отношения и коми-зырянское *кар* ‘город’.

А. К. МАТВЕЕВ
Свердловск

ВСЕГДА ЛИ ОБЫВАТЕЛЬ БЫЛ ОБЫВАТЕЛЕМ?

На классовом фронте
ширятся стычки, —
враг наступает
и скрыто
и голо.

Комсомолия,
готовься к переключке
боевой
готовности
комсомола.

Обыватель
вылезает из норы кротовой,
готовится
махровой розой расцвести.

Товарищи,
а вы
к отпору готовы?

Отвечай, комсомолец:
«Готово!
Есть!»

Маяковский И. Лозунги к комсомольской переключке. Готовься! Целься!

«Обыватель — это человек, отрывчато, изолированно думающий, не связывающий себя ни с чем и ни с кем» (М. И. Калинин. Речь на совещании учителей... 28 декабря 1938 года).

В современном литературном языке существительное *обыватель* — ‘человек, лишенный общественного кругозора, с косными мещанскими взглядами, живущий мелкими, личными интересами’ (Словарь современного русского литературного языка). В нашем языковом сознании это слово ассоциируется с другим, имеющим то же значение — *мещанин*. Оба слова относятся к одному синонимическому ряду и в словаре толкуются одно через другое: *«Мещанин — человек с мелкими ограниченными интересами и узким кругозором; обыватель»*.

Любопытен пример употребления слова *обыватель* в стихотворении Я. Смелякова «Сосед»:

Здравствуй, давний мой приятель,
гражданин преклонных лет,
неприметный обыватель,
поселковый мой сосед.

Захожу я без оглядки
в твой дошатый малый дом:
я люблю четыре грядки
и рябину под окном.

Это всё весьма умело
не спеша поставил ты
для житейской пользы дела
и еще для красоты...

Пусть тебя за то ругают,
перестроиться веля,
что твоя не пропадает,
а шевелится земля...

Не ваятель, не стяжатель,
не какой-то сукни сын —
мой товарищ, обыватель,
непременный гражданин.

Здесь *обыватель* имеет явно иное значение. Поэт дает его в контексте рядом с такими существительными, как *товарищ*, *гражданин*. Может быть, это неправильное употребление слова *обыватель*? Оказывается, оно в современном значении стало известно только с конца XIX века, а первоначально слово означало: «постоянный житель какой-либо местности». Это устаревшее теперь значение мы и находим в стихотворении Я. Смелякова. Слово это — заимствованное. Оно пришло к нам из польского языка в Петровскую эпоху и стало синонимом исконно русского слова *житель*.

«Словарь Академии Российской» (1789), определяя *житель* как «обитатель, обыватель, тот кто постоянно живет, обитает где», указывает тем самым на общее лексическое значение его со словом *обыватель*. Этот же словарь, как и «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847), у слова *обыватель* намечает как бы некоторый смысловой оттенок отношения к владению: «гражданин, имеющий дом в каком-либо месте».

А вот показания некоторых иноязычных словарей того времени, при составлении которых «все острее вы-

ступают вопросы литературной синонимики для передачи тех или иных греческих, латинских, польских, немецких, голландских слов» (В. В. Виноградов. — «Ученые записки МГУ». Вып. 106. 1946, стр. 29).

В «Немецко-латино-русском лексиконе» Вейсмана (1731) (первая словарная фиксация существительного *обыватель*) находим: *Einwohner*, *incola*, *житель*, *обыватель*. Здесь очевидно синонимичность этих слов. «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках» С. Волчкова (1764) дает к наименованиям *Habitant d'un pays* (французское), *ein Einwohner eines Landes* (немецкое), *Incola* (латинское) то же толкование — «житель, обыватель».

О синонимичности этих существительных свидетельствует перевод их в иноязычных словарях одним и тем же словом. Так, в «Лексиконе российском и французском» (1762): *житель* — *un habitant*, *обыватель* — *un habitant*. В «Российском с немецкими и французскими переводами словаре» И. Ноддстета (1780—1782): *житель* — *der Einwohner*, *Bewohner*, *l'habitant*; *обыватель* — *der Einwohner*, *l'habitant*.

В письменных источниках существительное *обыватель* появляется раньше. Показательно его употребление в официально-деловой речи Петровской эпохи (указы, манифесты, воинские и морские уставы, личная переписка Петра I): «А чрез обывателей никогда ничего ведать не можно, ибо они не надежны» (Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717—1720 годах); «...Да с ним Муртазовю напешо будут четыре папи с войски для строения Азовской, Петровской и Лютинской крепостей, о чем-де от салтана и указ в Азов к азовским обывателям, чтоб провиант готовили, прислан» (Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726—1730).

Аналогичные примеры встречаются и в воронежских Петровских актах (1695—1707), и в грамотах, указах о крестьянах (1723). Существительное *обыватель* используют и выдающийся публицист Петровской эпохи В. Н. Татищев в своей «Истории Российской» и В. К. Тредиаков-

ский в переводном романе «Езда в эстров любви» (1730): «Хотя сие место весьма многолюдно, однако кажется, что никого нет, понеже все того места обыватели любят весьма уединение» и в переводе в прозе «Послания Пизонам» Горация.

Слова *обыватель* и *житель* употребляются и в одном и том же контексте. В «Описании Камчатки» С. П. Крашенинникова (1755): «Итурские и Уриские обыватели называют себя кых-курилы и имеют особливый язык и сходство с Кунаширскими жителями». Интересны конкретные примеры бытования этих двух существительных в «Переписке» Г. Р. Державина. «...Сеңа с собой ни на дровнях, ни на телеге за водополью и переправами провезть невозможно, да и у обывателей нет» (от Серебрякова и Герасимова, 14 апреля 1774); «Приезжай, братец, поскорее и нагони на них страх; авось подействуют всего лучше ваши слова и тем успокоятся жители» (от Новосельцева и Свербева).

Общее лексическое значение этих двух слов подтверждается их сочетаемостью. *Обыватель* и *житель* в большинстве случаев употребляются в текстах с согласованными определениями, обозначающими название места, населенного пункта, города: обыватели мальковские, березовские, заволжские; жители петербургские, саратовские, самарские, иргизские, житель нарышкинский, выгорецкий.

Во многих письмах отмечается полный параллелизм соответствующих сочетаний (мальковские обыватели и мальковские жители): «Корпус... состоять будет... из 200 человек пехоты да конницы, мальковских обывателей» (Библикову); «Крестьянину Александру Васильеву и мальковскому жителю Ивану Терентьеву учинили смертное убийство, коих ругательски и повесили» (от Злобина). В письме Г. Р. Державина «Он из укрывательства своего вышел П. С. Потемкину (14 августа 1774): и тиранил... помощью самых мальковских обывателей экономического казначея поручика Тишина...». И дальше: «Мальковские жители, как скоро коснулось до них языка, также из явного их к жестокости усердия сделались злодеи».

Павлу I, напуганному французской революцией, везде мерещились революционные заговоры. Был запрещен ввоз иностранной литературы, преследовалась французская мода. Русский царь не выносил некоторых слов, которые, как ему казалось, передавали «мятежный дух» Франции. И в 1797 году был издан декрет об «Изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими». Было повелено употреблять слова *житель* и *обыватель* вместо *гражданин*.

Итак, слово *обыватель* так же, как и слово *житель*, в языке XVIII века относилось к нейтральной лексике и не имело стилистической окраски.

Аналогично употреблялись и производные слова *обывательский*, *обывательство*: «В городе составить городовую обывательскую книгу, в коей вписать обывателей того города...» (Полный свод законов, 1785); «...до 10 дворов обывательских» (Крашенинников. Описание Камчатки).

Слово *обывательство* (не отмеченное, кстати, в словарях XVIII века) имело значение «жительство, место проживания»: «Красной флаг от Малты на мидделанском море, на котором белой крест; которой есть герб кавалеров святого Иоанна из Иерусалима, нынешняго настоящего времени имя свое имеющие: кавалеры молтанские, ради их обывательства на том острове» (Новое галанское карабельное строение вместе снесено чрез Карлуса Алярда).

Существительное *обыватель* как синоним слова *житель* сохранилось и в литературном языке XIX века: «...Найдено до трех сот убитых и раненых обывателей» (Пушкин. История пугачевского бунта); «...Слово волость означает всякое городское, сельское и вообще земское общество, состоящее по крайней мере из 1000 обывателей мужского пола» (Пестель. «Русская Правда»); «Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобосов, так увлекся вашей игрой, что записал с первого акта» (А. Островский. Без вины виноватые); «В бричке сидело двое N-ских обывателей» (Чехов. Степь); «Все мы, шупешские обыватели, мечтали о приезде гостей...» (Н. К. Крупская. Письмо М. А. Ульяновой, 22 января 1893).

Го же значение отмечается и у производных слов: «На берегах рек и озер собирались обыватели и обывательницы» (Ключевский. Курс русской истории); «Через два квартала уже поле. Туда гоняют пастись обывательских коров...» (Вересаев. В юные годы).

Интересно отметить употребление прилагательного *обывательский* в таких сочетаниях, как *обывательские лошади*, *обывательские подводки*, которые представляют собой в известной степени терминологические сочетания. В «Энциклопедическом словаре» Ф. Павленкова (1899) так объясняется выражение *обывательские подводки*: «Обывательские подводки — вид натуральной повинности. Обывательские подводки могут быть требуемы войсками и чиновниками, проезжающими по казенной надобности в определенных, указанных законами, случаях и поставляемых населением». А в «Словаре языка Пушкина» (1959) дается следующее толкование сочетанию *обывательские лошади*: «нанимаемые у обывателей, не почтовые». Например у В. Г. Короленко: «Я избегал пользоваться обывательскими лошадьми, чтобы не придавать своим поездкам характера официальности» (В голодной степи).

Все эти примеры свидетельствуют о том, что существительное *обыватель* в конце XIX века было еще очень распространенным и обычным в своем исходном значении. Но в это же время появляется и новое значение слова. Интересен следующий пример из рассказа Чехова «Ярмарка»: «Маленький, еле видимый городишко... Жителей его можно по пальцам пересчитать: голова, надзиратель, батюшка, учитель, дячок, человек, ходящий на каланче, дячок, два-три обывателя, два жандарма — и больше, кажется, никого...». Здесь слова *житель* и *обыватель* уже не синонимы: *обыватель* выступает как видовое понятие по отношению к *житель* — родовому понятию. В значении слова *обыватель* намечается сужение и в то же время наполнение новым социальным содержанием. Затем оно приобретает отрицательную эмоционально-оценочную характеристику: «Обыватели своими разговорами взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его [Ионьча]... пока с обывателем играешь в карты

или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неслепой человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в туник или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти» (Чехов. Ионьча).

Одновременно с семантической и стилистической дифференциацией слова происходит смысловая и стилистическая эволюция его производных.

«[Соня:] А вы довольны жизнью?»

[Астров:] Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю ее всеми силами моей души» (Чехов. Дядя Ваня); «...Так как корреспондент в заключение обещал вскрыть на этом фоне „разные эпизоды повседневного обывательского прозябания“, то у Трубникова опять прибыло в нашем городе несколько подписчиков» (Короленко. История моего современника). Более поздний пример: «Он ехидно высмеял обывательниц-инженерш, выставил на позор левацкое фразерство жены Галя» («Литературная газета», 8 марта 1934).

Так в конце XIX века происходит сдвиг в значении слова *обыватель*, в известной мере вызванный социальной дифференциацией общества, при которой разные социальные группы по-разному относились к общественной жизни России. Существительное *обыватель* начинает обозначать не жителя, как это было раньше, а человека, чуждого острым социальным вопросам действительности, понятию гражданского долга: «[Суслов:] Мы все здесь дети мешан. Мы ...много голодали и волновались в юности... Мы хотим поесть и отдохнуть в зрелом возрасте — вот наша психология... Я не юноша! Меня бесполезно учить! Я взрослый человек, я рядовой русский человек, русский обыватель! Я обыватель — и больше ничего-с. Вот мой план жизни» (М. Горький. Дачники).

Итак, слово *обыватель* и его производные, развивая переносное значение, приобретают более обобщенный смысл и становятся словами отрицательной экспрессивно-идеологической оценки. Его мастерски использует в своих работах В. И. Ленин,

говоря о людях, отличающихся политической близорукостью, незрелостью, шаткостью и неустойчивостью своих воззрений. Оно вовлекается в сферу общественно-политической лексики: «Обыватель никогда не руководится твердым миросозерцанием, принципами цельной партийной тактики. Он всегда плывет по течению, слепо отдаваясь настроению» (В. И. Ленин. Политическое положение и задачи рабочего класса). Или: «Обыватель удовлетворяется той бесспорной, святой и *пустой* истиной, что нельзя знать наперед, будет революция или нет. Марксист не удовлетворяется этим; он говорит: наша пропаганда и пропаганда всех социал-демократических рабочих входит *одним из определителей того, будет революция или нет*» (В. И. Ленин. Платформа реформистов и платформа революционных социал-демократов).

Особый отрицательно-экспрессивный оттенок приобретает отвлеченное существительное *обывательщина*, впервые включенное И. А. Бодуэном де Куртене в третье издание Словаря В. И. Даля (1907). Это слово, видимо, появилось в самом конце XIX века (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы). Например: «Мне всегда вспоминается отец: отчего он не погиб, отчего не опустился до обывательщины, до выпивоки и карт в клубе» (Вересаев, В юные годы); «Опутали революцию обывательщины нити. Страшнее Врангеля обывательский быт» (Маяковский. О дряни).

Некоторые наши авторы используют с той же стилистической оценкой

отвлеченное существительное *обывательство*, которое не фиксируется словарями современного литературного языка: «Он [беспризорник Вакир] даже настроился произносить острые речи перед пассажирами, отличая их в бездушии, в обывательстве, в равнодушии к общественным неполадкам» (Гладков. Энергия).

История слова *обыватель* и его производных может служить иллюстрацией к одной из внутренних закономерностей развития лексической системы языка, которая проявляется в такой общей тенденции, как семантические изменения слов, то есть изменения значений. Слово вошло в литературный обиход нашего времени в своем переносном значении, с иллюстрацией которого мы и начали статью. Употребляясь в новом значении, оно становилось членом другого синонимического ряда (обыватель — мешанин): «Я не мешанин и не заскорузлый обыватель» («Правда», 30 апреля 1967);

Мешанин и обыватель
 Про него бубнит весь век:
 — Фантазер, пустой мечтатель,
 Несерьезный человек!

Асадов.

Будьте счастливы, мечтатели

Примечание. В статье использованы, кроме собранных автором материалов, материалы трех словарных картотек Института русского языка АН СССР: малого древнерусского словаря, словаря языка XVIII века и словаря современного русского литературного языка.

К. П. СМОЛИНА

Мы теперь стараемся все наши идеалы и типы, взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших бытовых подробностей, а главное, мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, которым определяется самый тон роли.

А. Н. Островский. 1885.